

Мысль между шторой и окном

На город медленно наползает вечер. Сидишь на широком подоконнике, пьешь горячий шоколад, смотришь в окно, думаешь о прохожих и проезжих... В комнате полумрак (одна лампочка, у которой силенок всего-то 40 ватт), еле пробивающийся сквозь плотную штору. Прислоняешься теплым лбом к ледяной прозрачности стекла, а потом разглядываешь мутное пятнышко, оставшееся после твоего прикосновения и повисшее между тобой и уличной суетой. Штора, как стена, отгораживающая от повседневности, от наскучившего привычного интерьера, от дивана с вмятиной на том месте, где все любят сидеть, от пыльной библиотеки, где между страницами книг в счастливый день можно найти чью-то давно забытую записку. Штора, как грань между мирами: здесь, внутри, до отвращения тепло, пахнет подгоревшим омлетом, веет Шеллингом и Фихте, изученными накануне; там, на свободе, приятно-прохладно, мороз своими иголочками щекочет пальцы рук, пахнет освежителем «Елочка», витают противоречивые и от того увлекательные мысли. Туда рвется разум. Туда стремиться душа... Осознают ли они, что поистине одинок тот, кто даже в толпе одинок? Осознают ли они, что циничный эгоист обречен на жизнь на подоконнике?..

Из великих эгоистов порой вырастают великие люди. Они всегда на виду, но очень напоминают пятна на солнце: рассмотреть эгоистическое чувство собственности, самовлюбленность и обращенности внутрь себя можно только в телескоп. Задумываешься: это что получается, теперь каждый эгоист может считать себя центром Вселенной? Увы, господа: столько центров у нее быть не может – все мы в какой-то мере находимся где-то на периферии. Но, наверное, именно такими вот убежденными самовлюбленными и создаются грандиозные шедевры мирового искусства. В момент, когда поднимается что-то из глубины души художника, он меньше всего думает о тех, кому это что-то будет предназначено. Произведение – одна из картин внутреннего мира, которые копят, теснятся и, в конце концов, выталкиваются на поверхность. Все. Миссия выполнена. А потом маленький эгоист, вглядываясь в полотно или вчитываясь в строки, думает: это ж специально для меня сотворено! По крайней мере, посещает иногда такая мысль...

Все как в классификации животного мира.

Вид: Эгоизм.

Род: Созидающий.

Видовой признак: присущ Человеку Творящему.

Родовой признак: содержит желание быть в числе Великих за счет общественно-полезных дел. Положительная программа творчества гонит вперед, заставляет искать заслуженной славы, быть выше других на голову – и упиваться своим талантом...

Свернувшись калачиком на подоконнике, наблюдаешь за милым юношей, переходящим дорогу в неположенном месте. Да, кому-то этого не дано, не дано созидать во славу себя любимого. Поэтому он заворачивает в салфетку косточку, кусочек хлеба или еще что-то вкусненькое, аккуратно кладет в карман простенького пальто, надевает незамысловатую шапку и выходит на вечернюю улицу. По странному стечению обстоятельств именно в момент, когда он проходит мимо фонарей, они загораются. Юноша заворачивает за угол, в темном переулке, и пропадает из поля зрения... Через час в его квартире уже осваивается новый житель – дрожащий, пушистый, пугливо прижимающий уши. Это маленькое существо еще не понимает, что ему ужасно повезло: кому-то не дано созидать во славу себя любимого...

Вид: Эгоизм.

Род: Разрушающий.

Всего одна маленькая ступенечка эволюции (а скорее деградации) отделяет его от предшественника.

Видовой признак: присущ Человеку Властному.

Родовой признак: представляет собой манию быть Великим любой ценой. Нет преград. Нет морали. Нет сигнала «СТОП», загорающего перед глазами в критический

момент...

Разрушать всегда проще. Карточный домик построил, вложил столько стараний, чтобы конструкция не рухнула от неуверенного движения руки, а после завершения облегченно вздохнул – и домик сложился... Похоже ведь на человеческую жизнь? Эгоист строил планы, сосредоточенно думал, просчитывал варианты – но исполнял чужими руками. И вдруг эти руки опустились. Они далеки от идей всемирного величия, родной очаг – вот центр их Вселенной. Рукам бы в луга, косить клевер для коровки, или на речку ловить рыбу, или хотя бы просто строить, созидать. Но их подгоняют, толкают под локоть – и все рушится, все канет в Лету, все идет прахом. Великий эгоизм – великие потери...

Задумываешься порой, чем можно измерить жизнь? Процентным соотношением хороших дел и плохих? Нет, в Америке этим уже занимается Санта Клаус. Списком того, что еще не успел сделать? Все равно все пункты не выполнишь. Децибелами смеха и литрами слез? В плане эмоций наука бессильна. Количеством написанных строк и сыгранных мелодий? Ничего нового: и буквы, и ноты какие-то умники придумали до нас. Чем измерить жизнь? Победками и поражениями? Взлетами и падениями? Весами и линейкой? Эгоист найдет ответ на этот вопрос самостоятельно, в зависимости от упитанности собственного Я.

...На запотевшем от тепла горячего шоколада стекле чертишь какие-то буквы. Но это только для тебя тонкие линии, сквозь которые пробивается свет замерзших уличных фонарей, являются буквами. Для тех же, кто сейчас шагает по ту сторону стеклянной преграды, это всего лишь непонятные черточки и закорючки.

Мир, вывернутый наизнанку.

Мир, который многие силятся понять.

Мир, где каждый сам по себе.

Ты сидишь на подоконнике и думаешь о нем, об этом мире, который с одной стороны бьется в твое стекло, с другой – пытается заглянуть за штору. Оба и магнитят, и отталкивают. Оба и манят, и выплевывают. За шторой – лампочка в 40 ватт и омлет, за окном – фонари и эгоисты. А мысль твоя так и останется между, потому что из двух зол выбирают подоконник...